

К ИЗУЧЕНИЮ ПОЭМЫ ПУШКИНА «ТАЗИТ»

История изучения неоконченной поэмы Пушкина, условно именуемой «Тазит», свидетельствует о том, что многие вопросы, связанные с ее созданием, еще не решены исследователями. Самой обширной, пытающейся рассмотреть произведение всесторонне и в этом смысле, пожалуй, единственной является статья покойного В. Л. Комаровича «Вторая кавказская поэма Пушкина».¹ Авторы остальных работ, как старых, так и новых, относящихся к этой поэме, чаще всего касались только тех или иных отдельных ее сторон.²

Поэма, как известно, писалась Пушкиным в конце 1829—начале 1830 года. Среди рукописей задуманного поэтом произведения сохранились следующие планы.

I	Изгнание (?)
Обряд похорон	Любовь
Уздень и меньший сын	Сватовство
I день — лань — почта, грузинский купец	Отказ
II — орел, казак	[Священник] Миссионер
III — отец его гонит	Война
Юноша и монах	Сражение
Любовь, отвергнутый	Смерть
Битва — монах.	Эпилог
II	II
Похороны	Похороны
[Три дня] Черкес христианши	Черк. <ес> хр. <христианин>
Купец	Куп. <ец>
[Казак] раб	Раб
Убийца	Убийца
	Изгнание
	Любовь. ³

¹ В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина. В кн.: Пушкин. Временник пушкинской комиссии, 6, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 211—234.

² См.: С. А. Андреев-Кривич. Пушкин и Ногмов. «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 110—113; П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873, стр. 217—220; В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина, статья одиннадцатая и последняя (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, М., 1955, т. VII, стр. 548—552); С. Бонди. Новые страницы Пушкина. Изд. «Мир», М., 1931, стр. 59—73; Н. Джусоев. Тема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова, 1955, стр. 35—54; Е. Г. Кагаров. Этнографические мотивы в поэзии А. С. Пушкина. «Советская этнография», 1937, № 1, стр. 52—56; Наталья Капиева. Кавказ в русской поэзии первой половины XIX века. В кн.: Литературный Дагестан. Махач-Кала, 1947, стр. 206—208; Н. О. Лерпер. Примечания к стихотворениям А. С. Пушкина. В кн.: Пушкин, т. VI. «Библиотека великих писателей», Пгр., 1915, стр. 457—460 (далее: Пушкин, т. VI); М. Николоев. Пушкин и Кабарда. В кн.: Кабарда. Литературно-художественный альманах Союза советских писателей Кабардинской АССР. Книга третья. Пальчик, 1950, стр. 228—232; З. Г. Османова. О «Тазите» А. С. Пушкина. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», 1957, т. XI, стр. 425—427; В. П. Пожидаев. А. С. Пушкин о Кавказе (к столетию пребывания поэта на Кавказе). Владикавказ, 1930, стр. 12—13; Л. П. Семенов. Пушкин на Кавказе. «Известия Северо-кавказского педагогического института», 1937, т. XIII, стр. 33—62; Б. Томашевский. 1) Поэтическое наследие Пушкина. В кн.: Пушкин родоначальник новой русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 315—316; 2) Комментарии к поэме «Тазит». В кн.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, изд. 2-е, т. IV, Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 565—567; И. Фрадкий. «Тазит». «Литературное обозрение», 1937, № 1, стр. 61—64; Александр Цейтлин. Мастерство Пушкина. «Советский писатель», М., 1938, стр. 77—79.

³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, 1948, стр. 336—337.

Сравнивая эти планы поэмы с тем, что было написано Пушкиным, убеждаемся, что ни один из них полностью реализован не был.

Из первого плана в тексте поэмы нашли отражение следующие пункты: Обряд похорон; Уздень и меньший сын; I день, грузинский купец (с заменой его армянским); III — отец его гонит; Любовь, отвергнутый. Не разработаны из первого плана в написанном тексте, включая черновики, пункты: из первого дня — лань, почта; из второго дня — оред, казак; Юноша и монах; Битва — монах.

Из второго плана в тексте поэмы Пушкин реализовал: Похороны; Три дня; Купец; Раб; Убийца; Изгнание; Любовь; Сватовство; Отказ. Не реализованы оказались: Черкес христианин; Казак — а также конец плана: Священник; Миссионер; Война; Сражение; Смерть и Эпилог.

Наконец, из третьего плана не был реализован в тексте один только пункт: Черкес христианин, — остальные пункты: Похороны; Купец; Раб; Убийца; Изгнание; Любовь — реализованы.

Из текста поэмы и черпых незаконченных частей ее видно, что в действительности сюжет произведения содержит следующие пункты: Похороны; Уздень и меньший сын; Три дня; Купец; Раб; Убийца; Изгнание; Любовь; Сватовство; Отказ; Сынов изгнание; Скитание.

Все эти сопоставления планов с текстом поэмы, с учетом черновых набросков, сделаны для того, чтобы показать, насколько отошел поэт в процессе работы над поэмой от первоначальных своих наметок, и в связи с этим заняться выяснением основных причин, способствовавших этому отходу.

Следует сказать, что поэма «Тазит» никем обстоятельно не исследовалась с позиций историко-этнографических, кавказоведческих. А между тем Пушкин был осведомлен в этой области куда основательней, чем некоторые его исследователи. Изучение исторических и этнографических сочинений по Кавказу, особенно по черкесам, личные наблюдения явились для поэта важной частью творческого процесса. Во время работы над поэмой кое от чего в первоначальных набросках ему пришлось отказаться, кое-что заменить, переделать. Изучение поэмы с этой точки зрения в ретроспективном плане, т. е. в плане следования от позднего в ее тексте к более раннему, проливает свет на многое в ее творческой истории.

Так, изучая текст поэмы в его отношении к планам и черновым наброскам, мы должны заметить прежде всего, что у таких исследователей поэмы, как П. В. Анненков, Н. О. Лернер и В. Л. Комарович, не было оснований говорить о христианстве героев пушкинской поэмы — Тазите и его воспитателе. Исследователи оказались под сильным воздействием не текста пушкинской поэмы, а ее планов.

Первым мнение о том, что Тазит является христианином, высказал П. В. Анненков.

В своем исследовании «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений» он пишет: «В тетрадях Пушкина отыскана еще и вторая программа Галуба,⁴ которая показывает, что *Тазит был уже христианином еще в ауле своего отца* (курсив мой, — Г. Т.). Ибогда кажется из сличения обеих программ, что поэт имел двойное намерение в отношении своего героя. По первой можно предполагать, что он хотел сделать *инок* орудием его просветления; по второй, что сам инок, или миссионер, упоминаемый в ней, есть Тазит, решившийся на распространение христианства в собственной своей родине».⁵

Рассуждение это вызвано полным незнанием черкесской этнографии. Если бы «Тазит был уже христианином еще в ауле своего отца», Гасуб изгнал бы его из дому и из аула только потсму, что он «гяур» — неверный. История не знает ни одного черкеса, который бы решился в мусульманской среде исповедовать христианство или пропагандировать его. В этом случае он был бы просто убит любым односельчанином, так как этому односельчанину-мусульманину, согласно религиозным представлениям, за этот акт был бы обеспечен рай. Вспомним, как хорошо выразил эту мысль современник Пушкина писатель Илья Радожницкий в своей поэме «Али-Кара-Мирза. Черкесская повесть в стихах», где тени убитых в битве с гяурами черкесов обращаются через странника к своим женам:

Пусть их не плачут, грудь не терзают,
В пебе обещаи нам рай!
С наших кипжалов кровь не стирают...⁶

⁴ Под этим заглавием В. А. Жуковский, неправильно прочитавший в рукописи имя Гасуба, отца Тазита, напечатал поэму в «Современнике» (1837, т. VII). Имя Галуб на Гасуб впервые исправлено С. М. Бонди (А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в шести томах, т. III, приложение к журналу «Красная нива», М.—Л., 1930).

⁵ П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений, стр. 220.

⁶ Г. Ф. Турчанinov. «Али-Кара-Мирза. Черкесская повесть в стихах» и ее автор. В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 81.

Не мог быть Тазит христианином и потому, что воспитывался в чеченском ауле и его воспитателем (аталыком) был старик-чеченец. Из северокавказских горцев-мусульман самыми фанатичными и нетерпимыми к христианству были именно чеченцы. Несомненно, полная неосведомленность П. В. Анненкова в кавказоведческой литературе его времени помешала ему правильно истолковать текст пушкинской поэмы.

Но у П. В. Анненкова были еще и другие шоры — мнение о непременной зависимости Пушкина от Шатобриана, хотя он склонен был думать, что «верность характеру местности и нравственным типам края, истина и трагическое величие сделали бы ее (поэму Пушкина, — Г. Т.) вероятно, явлением совершенно другого рода и не похожим на предшествовавшие образцы».⁷

Комментатор поэмы в издании «Библиотеки великих писателей» под ред. проф. С. А. Венгера Н. О. Лернер, не разделяя точки зрения П. В. Анненкова на то, что рубрика «черкес христианин» в планах Пушкина относится к Тазиту, полагал, что она характеризует воспитателя.⁸ Однако, что такое понимание исключено, явствует уже из сказанного выше о чеченцах.

Наш современник В. Л. Комарович, следуя за П. В. Анненковым, считал Тазита также христианином, но находясь, с одной стороны, под сильным влиянием Шатобриана, а с другой, пытаясь связать образ Тазита с черкесской этнической средой, впадал в противоречие с самим собой. Тазит у него то христианин по врожденной склонности («сам того не зная»), христианин «по природе», то христианин по вероисповеданию — прозелит. Отсюда две различные формулировки. «Тазит, — пишет Комарович, ориентируясь на Шатобриана, — в своих душевных движениях инстинктивен, как женщина, и простодушен, как ребенок. Недаром он, юноша, назван (один раз) *отроком*. Сочетание этих-то признаков Пушкин и озаглавил в соответствующем (2-м) разделе программы (плана, — Г. Т.) словами: „Черкес-христианин“».⁹ В то же время, ориентируясь на черкесскую этническую среду и считая «живым прообразом» Тазита Шору Ногмова (Ногма), Комарович решительно сближает их, в частности, и в отношении к христианству. Последний же, по словам Комаровича, «в детстве и ранней молодости был мусульманином. Следовательно, христианство принял уже взрослым как прозелит».¹⁰ Сделав Ногмова (Ногма) христианином и рассказав о его связях с миссионерами, Комарович пришел к выводу, что эта «ценная биографическая деталь» «разительно совпадает с намеченной для „Тазита“ фабулой».

Этих противоречий можно было бы избежать, если бы В. Л. Комарович менее был озабочен влиянием на Пушкина образов Шатобриана и более интересовался черкесской этнографией. С. А. Андреев-Кривич убедительно показал, насколько путанными и слабыми были сведения Комаровича в этой области.¹¹

Не только В. Л. Комарович, но и предшествующие ему исследователи несомненно достигли бы значительно больших успехов в понимании пушкинской поэмы, если бы они искали разгадку ее образов в черкесской действительности, в черкесской этнографии, которую достаточно хорошо знал Пушкин.

Свидетельством этого является его ранняя поэма «Кавказский пленник», о которой он сам заметил: «...черкесы, их обычаи и нравы, занимают большую и лучшую часть моей повести».¹² Весной 1958 года в библиотеке Центрального военно-исторического архива в Москве научным сотрудником архива Дьяковым была обнаружена давно искомая рукопись современника Пушкина черкесского (адыгейского) бытописателя и этнографа Хан-Гирея.¹³ Рукопись носит заглавие «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем». Глава IV этого труда, где описывается одежда и вооружение черкесов, заканчивается так: «Едва ли есть народ, в котором каждый воин имел бы на себе столько оружия, сколько имеет каждый воин черкес. Он с ног до головы покрыт и обвешан доспехами. Но все это так хорошо пристроено, что ни одна вещь не мешает ни его ловкости, ни проворству.

Черкес оружием обвешен;
Он им гордится, им утешен;

На нем броня, пицаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан.

⁷ П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений, стр. 220. Здесь и далее за исключением особо оговоренных случаев курсив мой, — Г. Т.

⁸ См.: Пушкин, т. VI, стр. 458.

⁹ В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина, стр. 226—227.

¹⁰ Там же, стр. 232. Вопрос о Ногмове (Ногма) как возможном прототипе Тазита рассматривается нами ниже.

¹¹ См.: С. А. Андреев-Кривич. Пушкин и Ногмов, стр. 110—113.

¹² Письмо к В. П. Горчакову. См.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 52.

¹³ Это тот самый флигель-адъютант двора е. и. в. полковник Хан-Гирей, с которым встречался у Н. Греча, а затем совместно работал над описанием быта и нравов черкесов В. Бунашев. См.: Из воспоминаний петербургского старожила. «Заря», 1871, № 4, стр. 36—42.

И пашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,

Ничто не брякнет: пеший, конный —
Все тот же он, все тот же вид
Непобедимый, непреклонный.

Эти прекрасные стихи знаменитого русского певца кавказского пленника показывают простоту, удобность и ловкость черкесского оружия и одежды мужчин и действительно одежда и вооружение черкеса в своем роде превосходно.¹⁴

Нужна ли лучшая похвала этнографическим познаниям Пушкина?

Исследователи поэмы Пушкина сплошь и рядом не давали себе труда знакомиться с бытом и нравами черкесов, т. е. с тем источником, из которого черпал свои сведения Пушкин.

Н. О. Лернер считал, например, что «едва ли этнографические сведения Пушкина простирались дальше» фактов, извлеченных из статьи графа Л. Ф. Сегюра (библиотека Пушкина, № 1378), где говорится о кабардинцах по данным записки П. С. Потемкина «О Кабарде».¹⁵

Отправляясь от статьи Сегюра, Н. О. Лернер полагал, что в своей поэме Пушкин, по-видимому, описывает кабардинцев, которых он называет «то черкесами (род), то адехами (вид), то чеченцами (другой вид)».¹⁶ Рассуждение это свидетельствует о совершенном отсутствии у Н. О. Лернера знаний этнографии народов Северного Кавказа. У Пушкина, в противовес Н. О. Лернеру (писавшему, кстати, в 1915 году, когда кавказоведение сформировалось как научная дисциплина), были совершенно четкие представления о народах Кавказа. Пушкин знал, что черкесы это то же самое что адехи (адыге), а чеченцы не имеют к этим двум названиям никакого отношения и являются самостоятельным народом. Достаточно вчитаться в текст поэмы, чтобы убедиться в справедливости такого суждения.

В. Л. Комарович был совершенно прав, когда высказал сомнение в том, что записка графа Сегюра могла сыграть значительную роль для Пушкина в качестве этнографического источника. У Сегюра «Татартуб» читается как «Tatarlouff», «уз-день» как «ousder», названия «адехи» нет вовсе и т. п.¹⁷

Такие названия, как «адехи», «черкес», «чеченец», Пушкин взял из иных источников.

Один из таких источников (откуда Пушкин мог взять термин «адехи») верно указан С. М. Бонди со ссылкой на «Тифлиссские ведомости» за 1829 год, где в №№ 22, 23, 24 и 25 от 31 мая, 7, 14 и 21 июня печатался ряд статей разведчика русской армии поручика Новицкого под заглавием «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе».¹⁸ Предположение, что данные статьи могли оказать на Пушкина какое-то влияние, тем более достоверно, что других статей с самоназванием черкесов в таком написании мы во времена Пушкина не знаем.

Однако, как указал Андреев-Кривич, Пушкин, ставя ударение в этом самоназвании на втором слоге с конца, указывает и на другой вероятный источник — живую речь,¹⁹ о чем несколько подробнее ниже.

Весьма странно, что исследователи пушкинской поэмы не обращали внимания на книги по Кавказу, имевшиеся в личной библиотеке поэта,²⁰ а именно из этих книг (и, как я постараюсь показать, по преимуществу из сочинения С. Броневского) Пушкин черпал многие этнографические сведения.

¹⁴ См.: В. А. Дьяков. Записки о Черкессии, сочиненные Хан-Гиреем. «История СССР», 1958, № 5, стр. 173—178.

¹⁵ Пушкин, т. VI, стр. 459. Имеется в виду: Mémoires ou souvenirs et anecdots par M. le Comte de Ségur, 3 ed., t. 2, Paris.

¹⁶ Пушкин, т. VI, стр. 459.

¹⁷ См.: Л. В. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина, стр. 213.

¹⁸ См.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в шести томах, т. VI, Путьеводитель по Пушкину, приложение к журналу «Красная нива», М.—Л., 1931, стр. 225.

¹⁹ С. А. Андреев-Кривич. Пушкин и Ногмов, стр. 111.

²⁰ Укажу на следующие книги: П. С. Палас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773—1786 (два тома в переплете, пометок нет); Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и дополненные Семеном Броневским. М., 1823 (два тома, обе книги разрезаны); О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. СПб., 1829 (в книге из 464 стр. разрезано 264); Н... Н... Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М., 1829 (разрезаны стр. 1—12 и 41—47); П. Савенко. Кавказские минеральные воды. СПб., 1828 (разрезана вся); Jean Potocki, comte. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Paris, 1829 (пометок нет).

Обратим внимание прежде всего на термин «чеченец» и убедимся в том, что Пушкин, во-первых, не считал это название видовым к названию «черкес», а во-вторых, имел о чеченцах достаточно сведений, чтобы правильно использовать это название.

О том, что черкесские уздени имеют обычай отдавать своих малолетних сыновей на воспитание в другие аулы и к другим народам, Пушкин мог знать из самых разнообразных источников.

Сведения об аталычестве в том объеме, в каком они были пужны для поэмы, Пушкин мог извлечь прежде всего из книги С. Броневского. Во второй части этого труда, в разделе «Воспитание» (у черкесов), на стр. 107—111 имеются все нужные сведения по этому вопросу, и если там не сказано, что черкесские уздени отдавали на воспитание своих сыновей в Чечню, это отнюдь не значит, что Пушкин по части аталычества не воспользовался Броневским. Сведения об отдаче черкесской знати своих сыновей в чеченские аулы Пушкин мог получить и изустно.

Действие поэмы разворачивается в Малой Кабарде, т. е. на территории, с которой непосредственно граничили чеченцы. Вполне естественно было черкесскому узденю определить сына на воспитание в Чечню.

Теперь обратим внимание на пушкинский текст и посмотрим, в каком значении употреблял поэт термин «чеченец». В поэме этот термин содержится в следующих строках:

Прошло тому тринадцать лет,
Как ты, в аул чужой пришед,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.

Поди ты прочь — ты мне не сын,
Ты не чеченец — ты старуха,
Ты трус, ты раб, ты армянин!
Будь проклят мной!..

Что мог узнать о чеченцах Пушкин из книги С. Броневского? Во второй части этого замечательного для своего времени труда на стр. 172 Пушкин мог прочесть следующее: «... нравы сего колена отличают его от всех кавказских народов злобою, хищностью и свирепым бесстрашием в разбоях, составляющих главное ремесло чеченцев». И далее на стр. 179—181 излагались конкретные приемы этого «ремесла».

Старый Гасуб хотел именно таким видеть своего младшего сына. Это соответствовало вековым традициям черкесского узденя. Именно поэтому Гасуб определил своего сына на воспитание в Чечню. Следовательно, в поэме Пушкина термин «чеченец» употребляется как субстантивированный эпитет, характеризующий одну из сторон старого горского быта. Во времена Пушкина употребительным субстантивированным эпитетом для характеристики горца было слово «хищник». Это слово в силу его частого употребления в речи и печати совершенно потеряло свою экспрессию. Пушкин эпитетом «чеченец» заменяет и обновляет эпитет «хищник», тем более, что и по слухам и по официальным данным о чеченцах шла самая дурная слава. Белинский, который не занимался конкретным исследованием поэмы, которого она интересовала как великое произведение искусства, пушкинский эпитет «чеченец» употреблял вслед за современниками в более широком общественно-политическом значении — для него он был не только синонимом хищничества, но и синонимом варварства и невежества.²¹

Игнорирование исследователями этнографических источников, непосредственно использованных Пушкиным, можно видеть и на другом примере толкования пушкинского текста.

В. Л. Комарович, комментируя слова приведенного выше отрывка — «ты старуха», видит в нем влияние соответствующего места из «Начезов» («Les Natchez») Шатобриана. Для большей ясности приведу это место in extenso: «Родственник Утугамиза, сахем Адарио... и, лишившийся сына при столкновении с французами... дышит одной только местью... и, подобно старику Гасубу, мстит он хочет во исполнение священного долга перед родиной и умершим, как блюститель традиционного у Начезов обычая кровной мести. Мстителем же избирает последнего в роде, своего племянника, юного Утугамиза. Но месть, задуманная сахемом, распространяется на побратима Утугамиза, Рене. Во имя высшей, чем сама месть, дружбы Утугамиз мстить отказывается. Отказ этот вызывает следующую отповедь из уст Адарио: «Мы поищем другого воина, ревниво помогающегося, чтобы имя его жгло в устах людей. Ну, а ты наденешь на себя одеяние старухи; днем ты будешь по лесам бить маленьких птичек детскими стрелами; ночью ты будешь тайно возвращаться в объятия жены, которая будет над тобой перенестовывать; она народит тебе дочерей, которых никто не захочет взять замуж». «Проклятые Гасуба, — продолжает далее В. Л. Комарович, — тоже выражается в подборе уничтожающих достоинство воина образов; некоторые из них с приведенными из „Начезов“ не схожи вовсе, некоторые имеют отдаленное сходство, один, наконец, тождествен: „Tu prendra

²¹ См.: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 549—551.

la tunique de la vieille matrone“ («Ты наденешь на себя одеяние старухи», — Г. Т.). „Ты не чеченец — ты старуха“. Образ — необычайный; тожество его у Шатобриана и Пушкина усугубляется тем, что тожественна породившая его там и тут ситуация, — укор за отказ от долга кровной мести».²²

Представляются весьма сомнительными все эти конкретные сопоставления с Шатобрианом, хотя и не исключена возможность, что своими воззрениями на христианство Шатобриан импонировал Пушкину. Слова «ты старуха» следует рассматривать по связи со сказанными выше относительно слов «ты не чеченец» и искать один, общий источник для всей этой поэтической формулы проклятия.

Заметим, что в одном из черновых набросков у Пушкина вместо слова «старуха» стояло «баба», т. е. «женщина». Это проливает яркий свет на источник пушкинского образа. Он взят из горской, черкесской жизни, и если и связан с шатобриановскими образами из «Начезов», то случайно, ибо эту черту горцев Кавказа, как и североамериканских индейцев, породила одна и та же общественно-историческая обстановка, один и тот же общественный строй: родовая община, военнопатриархальный быт.

У Пушкина для данного образа, как и для «чеченца», источник явно местный. В современной кавказоведческой литературе Пушкин мог почерпнуть этот образ опять у того же С. Броневского. Во второй части его труда читаем: «...всякое мщение, наказание и тем более убийство не может быть произведено в присутствии женщин и отлагается до другого случая». Но что особенно важно для приведенных выше строк Пушкина, так это следующее сообщение Броневского: «Женщина без покрывала и с распущенными волосами бросается в средину толпы сражающихся и тотчас останавливает кровопролитие, тем решительнее и скорее, буде она *пожилых лет* и знатного рода».²³

Можно думать, что, зная Броневского, Пушкин был осведомлен более детально о роли женщины в кровомщении. Он знал не только то, что женщина способна остановить кровомщение, но и то, что сама она по эдату не мстит. Ей это не дозволено, так же как рабу. Был Пушкин осведомлен и о том, с каким пренебрежением относятся черкесская община к трусу.

Иначе говоря, в пушкинском двустишии: «Ты не чеченец, ты старуха, Ты трус, ты раб...» — все было этнографически оправдано и обусловлено, все стояло на своем месте. Недаром поэт во имя единства формулы проклятия заменил ранее имевшееся у него в рукописи слово «пес» на «раб».

На своем месте стоял и «армянин».

Об употреблении Пушкиным слова «армянин» хорошо сказал один из наших современников: «Слово „армянин“ в устах Гасуба вовсе не определяет национальную принадлежность человека; им обозначена совокупность тех понятий и норм поведения, которые составляют моральный кодекс купца, торгующего товаром. Эти понятия и нормы человеческого поведения полностью отрицают то, что Гасуб считал „святым и безусловно истинным“, т. е. „чеченскую мораль“, так как у купца совершенно другое мерило в оценке человеческого достоинства. Он ценит человека не за храбрость в набегах, не за „силу длани“ и „жажду брани“ и не по количеству рабов. В глазах купца оружие и воинственность как средство, а набеги как форма обогащения потеряли всякую цену, для него деньги и коммерческая предприимчивость — вот средства, а торговля — вот форма обогащения. Стало быть, „армянин“ означает нечто враждебное, в корне отрицающее понятия и нормы жизни образцового исполнителя адатов, поэтому именно этим словом, как тягчайшим проклятием, Гасуб заклеил своего сына, отступника адатов».²⁴

Конкретным источником для Пушкина в этом случае мог служить тот же Броневский. В первой части его труда на стр. 55 читаем: «Торговать признается за весьма низкое ремесло между Кавказским рыцарством». А на стр. 56 указано, что предметы торговли «развозятся по всему Кавказу армянами, которые невзирая на трудности путей и претерпеваемые ими насилия, получают нарочитую прибыль в рассуждении малых капиталов, употребляемых на сей мелочной торг».

Пушкин реализовал эти сведения в поэме не только в формуле проклятия, но и в другом плане.

В диалоге Гасуба и Тазита читаем:

Отец.

А не видал ли ты грузин
Иль русских?

²² В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина, стр. 227—228.

²³ Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и дополненные Семеном Броневским, ч. 2, стр. 131.

²⁴ Н. Джусоев Тема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова, стр. 48—49.

Сын.

Видел я, с товаром
Тифлисский ехал армянин.

Отец.

Он был со стражей?

Сын.

Нет, один.

Отец.

Зачем нечаянным ударом
Не вздумал ты сразить его
И не прыгнул к нему с утеса?

Таким образом, можно считать установленным, что Пушкин пользовался таким письменным источником, как сочинение С. Броневского, но было бы неверным полагать, что Броневский был в этом случае для Пушкина единственным источником.

Мне не удалось, например, обнаружить конкретный источник, которым пользовался Пушкин для характеристики таких сторон кровомщения, как религиозно-мистическая, когда Гасуб угрожает сыну, что неотмщенный брат прыгнет ему на плечи окровавленной кошкой и будет нещадно гнать его к бездне, или такой, как чувство морального удовлетворения: «Упился ты его стенаньем, Его змеиным издыханьем», повертывал ли с наслаждением сталь в горле поверженного врага. К художественному восприятию и той и другой стороны кровомщения могли вести сухие факты вроде тех, которые приводились выше из Броневского.

Вообще можно поражаться, как в немногих словах поэт с исключительной полнотой и художественным лаконизмом представил перед читателем кровомщение, как будто он изучил различные связанные с ним образы и представления.

Идея кровомщения в поэме занимает одно из центральных мест, но будет совершенно неверным думать, как то утверждал В. Л. Комарович, что «темой поэмы и было избрано» «мщение крови».²⁵

Неверно и то, что «в основе поэмы (лежит, — Г. Т.) обычай „аталычества“, как полагал Б. В. Томашевский».²⁶

Кровомщение и аталычество как яркие стороны родового быта горцев выступают у Пушкина в «Тазите» лишь как подтемы, формирующие замысел поэмы, ее тему: изображение нового человека, выросшего на почве столкновений идеи гуманности с человеконенавистничеством, миролюбия с хищничеством, азиатской, «чеченской» морали, как ее назвал В. Г. Белинский, с моралью европейской.

Такое понимание замысла поэмы, ее центральной темы, ставит во весь рост один из труднейших вопросов мировоззрения Пушкина — вопрос об отношении его к христианству, так как первоначально замысел поэмы, ее тема были как-то связаны с ним. Вспомним в его планах такие пункты, как «черкес-христианин», «юноша и монах», «священник», «миссионер». Впоследствии Пушкин отказался от этих пунктов и, как я полагаю, под давлением фактов реальной действительности.

Однако поскольку вопрос о христианстве у Пушкина вставал и замысел поэмы в ее первоначальной редакции имел непосредственное отношение ко взглядам Пушкина на роль христианства в преобразовании бытия черкесов, как это видно по тексту «Путешествия в Арзрум», я не могу не остановиться здесь на отношении Пушкина к христианству как к доктрине.

Наш современник Н. Г. Джусоев высказал мнение, что «распространение христианства Пушкин предлагал как средство против „магометанской веры“, средство, которое религиозному изуверству и вражде между народами — основным идеям мюридизма — противопоставило бы христианское миролюбие и человеколюбие, а также хоть незначительное просвещение, ибо проповедь христианства был связана с церковью, а при ней имелась школа, которая горцам «могла бы дать хоть элементарные начала грамотности».²⁷

Если речь идет о противопоставлении христианства «магометанской вере», то совершенно естественно предполагать, что автор говорит и о христианстве как о вере, ибо противопоставлять можно только равные понятия. Но мы не знаем

²⁵ В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина, стр. 212.

²⁶ См.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. IV, стр. 566.

²⁷ Н. Джусоев. Тема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова, стр. 50.

у Пушкина таких противопоставлений. Слова Пушкина о том, что черкесы «были увлечены деятельным фанатизмом апостолов *Корана*, между коими отличался Мансур», «долго возмущавший Кавказ противу русского владычества»,²⁸ противопоставления магометанской веры вере христианской вовсе не предполагают.

Напротив, в одном из вариантов «Путешествия в Арзрум», который писался в годы поездки и был исключен из издания 1836 года, Пушкин говорит: «Терпимость сама по себе вещь очень хорошая, но разве апостольство с нею не совместимо?» Речь явно идет о веротерпимости, о равном, уважительном отношении Пушкина как к магометанству, так и к христианству, которое если и выдвигалось на первый план, то только как средство, «более сообразное с просвещением нашего века» и заслуживающее поэтому самому апостольства.

Нет необходимости «причесывать» Пушкина под ярого противника мюридизма и магометанства. В христианизации черкесов Пушкина интересовала только та сторона, которая способствовала приобщению их к наиболее высокой форме культуры, европейским, а не «азиатским» нормам морали. Этой точки зрения Пушкин придерживался до конца своей жизни, что видно из примечания поэта к очерку «Долина Ажитугай» черкеса Казы-Гирея: «...любопытно видеть, как... магометанин с глубокой думою смотрит на крест — эту хоруговь Европы и просвещения».²⁹

Пушкин, как известно, не состоял членом Русского библейского общества, секретарем которого был близкий его друг А. И. Тургенев, а членами — Орлов, Ипзов и другие знакомые и друзья поэта. Цели и задачи этого общества, его практическая деятельность не отвечали взглядам Пушкина. Оно не занималось приобщением горцев, в частности черкесов, к европейской культуре и просвещению.

Единственная цель, которую преследовал Пушкин, говоря о «дейтельном фанатизме апостолов *Корана*», заключалась в его противопоставлении инертности и ханжеству русских распространителей христианства. «Легче для нашей холодной лениности взамену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты... Лицемеры...» Так заканчивал Пушкин свои замечания о распространении христианства среди горцев.

Приведенное высказывание Пушкина свидетельствует, что он был прекрасно осведомлен о деятельности Русского библейского общества. Это общество в лице его проповедников за все свое многолетнее существование не привлекло в лоно церкви ни одного черкеса, не открыло в землях черкесов ни одной церкви и школы. При отсутствии у черкесов письменности оно печатало для них евангелие на незнакомом им татарском языке.

Во время своего путешествия на Кавказ в 1829 году Пушкин убедился в бесплодности пропаганды христианства среди черкесов не только со стороны русских, но и со стороны шотландских миссионеров под Пятигорском, деятельность которых, может быть, нашла свое отражение в пункте «миссионер».

Нужно ясно представлять себе политическую обстановку в Кабарде в годы путешествия поэта на Кавказ, чтобы говорить о том, в какой мере была реальна пропаганда христианства среди них.

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин писал: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их с привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам».³⁰ Исследователи поэмы «Тазит» почему-то обходили молчанием это место из «Путешествия в Арзрум», а между тем оно является одним из ключей к пониманию того, почему Пушкин в корне изменил замысел поэмы.

В 1822 и 1825 годах в Кабарде происходили всенародные восстания, направленные против колонизаторской политики паризма. Ненависть черкесов имела свои реальные корни. От черкесов действительно отрезали привольные пастбища на реках Золке и Малке, многие аулы были не только разорены, но и сожжены. Заниматься пропагандой христианства в таких условиях было невозможно.

Для того чтобы представить, что непосредственно мог видеть Пушкин во время своей поездки по Кавказу, необходимо совершенно четко и ясно определить путь следования поэта по этому краю.³¹

Кавказский почтовый тракт от Ставрополя до Владикавказа имел на своем пути в 1829 году шестнадцать промежуточных пунктов. Представление о последовательности этих пунктов на почтовом тракте и их названиях весьма важно для

²⁸ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. АН СССР, 1938, стр. 449.

²⁹ «Современник», 1836, т. I, стр. 169 (курсив Пушкина).

³⁰ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 449.

³¹ Следует иметь в виду, что официально во времена Пушкина Кавказом именовалась только та территория, которая ныне называется Северным Кавказом. Территория за центральным хребтом именовалась Закавказьем. Название «Северный Кавказ» вошло в употребление лишь с начала 1861 года.

исследователя поэмы, поскольку, как мы увидим, незнание или небрежность в этом отношении могут привести к неверным суждениям и выводам.³²

Кроме этого, необходимо выяснить, где на протяжении этого тракта можно было наблюдать черкесов или каких-либо других горцев.

От Ставрополя до Георгиевска тракт пролегал по степям с русскими казачьими поселениями. Горских аулов здесь не было.

От Георгиевска вправо до Горячих и Кислых вод или по прямой до станицы Екатериноградской тракт либо почти граничил с землями Большой Кабарды (пятигорских черкесов или кабардинцев и отчасти абазинцев), либо непосредственно проходил через эти земли. Наконец, от Екатериноградской до Владикавказа тракт непосредственно пролегал через земли Малой Кабарды (тех же пятигорских черкесов или кабардинцев) и Осетию. Через земли чеченцев тракт не проходил.

Итак, начиная от Георгиевска, включая Горячие Воды и кончая Владикавказом здесь можно было в 1829 году встретить горцев. Но где?

На отрезке тракта от Георгиевска до станицы Екатериноградской путешественники не входили в непосредственное соприкосновение с горской средой. Два черкесских (кабардинских) аула на этом пути следования пахотились по ту сторону реки Малки.

Самым небезопасным во времена путешествия Пушкина считался тот отрезок тракта, который пролегал от станицы Екатериноградской до Владикавказа. На этом отрезке пути вплоть до Владикавказа стащили помещались не в казачьих станицах, а при военных постах, отсюда начиналась Военно-Грузинская дорога.

От станицы Екатериноградской караван повозок путешественников и местных поселенцев сопровождал казачий пеший и конный конвой с заряженной пушкой и курящимся фитилем. Однако приводить в действие эту пушку или вступить в перестрелку с черкесами конвою приходилось здесь уже довольно редко. Пушкин верно заметил, что «дух дикого их (черкесов, — Г. Т.) рыцарства заметно упал».³³

Вплоть до Владикавказа через горские аулы тракт не проходил. Встреча с черкесами могла быть здесь только случайной.

Вспомним, как Пушкин, по сообщению М. И. Пущина, пытался на этом отрезке устроить себе встречу с горцами: «...иногда Пушкин садился на казачью лошадь и ускакивал от отряда, отыскивая приключений или встречи с горцами... но ни приключений, ни горцев во всю дорогу он не нашел».³⁴

С горцами Пушкин встретился только под Владикавказом, где он заехал в осетинский аул и попал на похороны. Эти впечатления послужили одним из источников поэмы.³⁵

Больше возможностей было встретить горцев на другом отрезке кавказского почтового тракта: Георгиевск — Горячие Воды.

Непосредственно вблизи Георгиевска в 1829 году горских аулов не было. Находившийся в 40 км к югу от Георгиевска абазинский Бабуков аул во время чумной эпидемии 1813 года был сожжен. В самом Георгиевске черкесов и абазин можно было встретить лишь на местном базаре, да и то в ограниченном числе. Для них большую выгоду представляли Горячие Воды. Сюда они отправлялись для сбыта предметов своего крестьянского труда приезжавшим на воды больным.

Что представляли собой эти горцы и откуда они приезжали? Выяснение местоположения того или иного аула для каждого года, особенно в пределах второго и третьего десятилетий XIX века, для района Горячих Вод является очень важным, поскольку на этой территории Пушкин мог наблюдать жизнь и быт местных горцев (черкесов—кабардинцев и абазин) и поскольку в тот же период времени здесь

³² Перечисляю эти пункты, руководствуясь картой, имеваемой «Почтовая карта Европейской России...», сочиненная, гравированная и напечатанная при Военно-топографическом депо в 1827 году: Ставрополь, Покровское (оно же Бешпак-гир), Сергиевское, Калиновка, Александров, Сабля, Александрия, Георгиевск, станица Павловская, станица Солдатская, станица Прохладная, станица Екатериноградская (иначе Екатериноград), пост Пришибский, пост Ново-Урухский, пост Верхне-Джугалатский, пост Ардонский, пост Архонский, Владикавказ. От Георгиевска вправо по Подкумку шел тракт на Горячие, а отсюда на Кислые воды. До 1828 года указанный тракт немного отличался в том его отрезке, который представлял Военно-Грузинскую дорогу от Екатериноградской до Владикавказа. После станицы Екатериноградской путь ранее шел через Моздок и далее через редуты Александровский, Константиновский и Камболовский или Елизаветинский. См. по этому вопросу, в частности, справку к путевым запискам «Письма Х. Ш... к Ф. Булгарину или поездка на Кавказ» («Северный архив», 1828, № 4, стр. 103), где сказано: «...ныне переправа через Малку в сей станице (Екатериноградской, — Г. Т.), от которой начинается Военно-Грузинская дорога, а не от Моздока, как до сего было».

³³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 449.

³⁴ Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 391.

³⁵ См.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 449—450; В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина, стр. 214—212.

происходили сильные изменения в демографическом отношении. В результате вооруженного наступления царского самодержавия на территорию кабардинцев и абазин ряд аулов исчез (они были переселены или уничтожены).

В пачале XIX века в районе Горячих Вод, около гор Бештау и Машуко, было несколько горских аулов. Ранее других упоминался, а затем и исчез черкесский аул Каррас. Название это перешло на основанную здесь в 1806 году колонию шотландских миссионеров. Из черкесов после 1806 года в нем жили только десятка два крещеных. Кроме него, хорошо известен путешественникам был абазинский аул Трам. Сведения и упоминания о нем встречаются почти у всех авторов, посещавших Горячие Воды.³⁶ Находился он в четырех километрах от Константиногорской крепости по дороге, ведущей в Кисловодск. В 1818 году этот аул за противодействие царской колонизаторской политике был сожжен, а жители его переселены за пределы района Горячих Вод.³⁷

Кроме этих двух, сравнительно рано исчезнувших аулов, в районе Горячих Вод известны еще аулы, которые просуществовали здесь более долгое время, например Аджи аул (он же Аджиев аул или Хаджи-Кабак), Карма аул, Арсланбек (или Асланбек) аул и Найман аул.

Очевидцы указывают, что Аджи аул находился у юго-восточного склона горы Бештау, километрах в двух от Карраса и километрах в пяти от Горячих Вод.³⁸ Во второй половине 20-х годов XIX столетия он был особенно известен посетителям Горячих Вод, так как приезжие отправлялись туда, чтобы присутствовать на религиозном мусульманском празднике Байрам, сопровождавшемся пением и плясками горцев.³⁹

По соседству с Аджи аулом находился Карма аул, а на противоположном склоне Бештау Арсланбек или Асланбек аул. В пяти километрах от Карраса был аул Найман.

Осенью 1828 года Аджи аул и Карма аул были переселены на реку Малку, километров за пятьдесят от Горячих Вод. Первый составил квартал Хаджи-хабля в ауле Ашабей (ныне аул Малка), второй самостоятельное селение Карма-хабля (ныне аул Камешномостский). Часть семей Аджиева аула влилась в новый Кармов аул.⁴⁰

Названия аулов Арсланбек и Найман позже 1820 года в источниках не встречаются и, как можно полагать, они были переселены или уничтожены до этого времени.

Переселение аулов или уничтожение их, часто по незначительному поводу, было одной из форм подавления царским правительством народно-освободительной борьбы горцев. После двух больших вооруженных народных восстаний в Кабарде в 1822 и 1825 годах, направленных против колонизаторской политики царизма, Кабарда была замирена, но не покорена. Положение внутри Кабарды было еще напряженным. В связи с этим военное командование не только стремилось рассредоточить группы аулов и переселяло горцев, но и селило так называемых мирных горцев (в данном случае черкесов—кабардинцев и абазин) на землях, граничащих с военной линией. О том же, как частенько вели себя эти мирные горцы по отношению к своим пемирным единоплеменникам, хорошо и верно сказал сам Пушкин.

Исходя из всего сказанного, можно констатировать, что к моменту второй поездки Пушкина на Кавказ, когда по возвращении из Арзрума в августе-сентябре 1829 года он остановился в Горячих Водах, здесь уже не было ни черкесских (кабардинских), ни абазинских аулов, известных ему по пребыванию в 1820 году.

³⁶ См.: *G ü l d e n s t a e d t. Reisen durch Russland und Kaukasischen Gebürge, II Teil, SPb., 1791, S. 23; Voyage entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russie dans années 1794 par M. le prof. Pallas, v. I. Paris, 1805, p. 389; Вл. Измайлов. Путешествие в полуденную Россию, ч. 4. М., 1802, стр. 99; Lettres écrites dans un voyage de Moscou au Caucase, pour servir de guide aux personnes qui se rendent aux de ce pays, par le d-r Kimmel. Moscou, 1812, p. 187, и др.*

³⁷ Б. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. II. СПб., 1913, стр. 395.

³⁸ См.: *W. Glen. Journal of a tour from Astrachan to Karras. London, 1823, p. 102; E. Henderson. Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea, and the passage of the Caucasus. London, 1826, p. 538; Са в е н к о. Кавказские минеральные воды. СПб., 1828, стр. 119—120.*

³⁹ См.: П. Сви н ъ и н. Письмо издателя «Отечественных записок» к редактору. «Отечественные записки», 1825, ч. 23, стр. 242—243; *J ä g e r. Reisen von St. Petersburg in die Krim und des Kaukasus in Jahre 1825. Leipzig, 1830, S. 102—106; П С Письма с Кавказа «Московский телеграф», 1830, № 11, стр. 324; Ив. Д о б р о д е е в. Байрам черкесский. «Вестник Европы», 1828, август, стр. 22.*

⁴⁰ Из дневника Глена, посетившего Аджи аул под Бештау в 1820 году, мы знаем о наличии в нем влиятельных фамилий Аджа и Абазаван. Позже, в 1837 году, академик А. М. Шёгрен, посетивший тогда Кармов аул на Малке, указал, что основными фамилиями этого аула являются Карма, Аджа и Абазан (*Sjögren, Dagbok, 1837, Архив АН СССР*).

Здесь же Пушкин воочию убедился и в полном отсутствии каких-либо результатов от деятельности шотландских миссионеров. Деятельность шотландских миссионеров в колонии Каррас под Пятигорском не только встречала противодействие упорно не желавших креститься горцев, но во время пребывания Пушкина в Горячих Водах в августе-сентябре 1829 года не имела для развития и реальной основы: горских селений здесь уже не было, а миссионерская деятельность шотландских «апостолов» никогда не выходила за пределы аулов, группировавшихся вокруг Горячих Вод.

Таким образом, утверждение В. Л. Комаровича, что «в 1829 г. „апостольство“ среди черкесов, к которому взывал Пушкин, он только и мог найти тогда среди шотландских колонистов Пятигорска»,⁴¹ не имеет под собой должного основания.

Намеченные первоначально Пушкиным в планах поэмы пункты «черкес-христианин», «черкес и монах», «священник», «миссионер» потому именно и исчезли, что поэт видел их жизненную переальность. Будь они оставлены и реализованы, произведение не утверждало бы «правды жизни».

Но что же в таком случае могло оказаться основой произведения и почему образ Тазита не был оставлен поэтом?

Мне представляется, что в образе Тазита нашло свое отражение то новое, что проникало на Кавказ вместе с русской культурой. Это новое заключалось в том, что, несмотря на подогреваемую царскими властями вражду между русскими и черкесами, эта вражда шла на убыль. Мирные формы жизни русского населения оказывали благотворное влияние на соседящих с ними черкесов. Князья и уздени становились менее воинственными и все чаще извлекали пользу не из хищничества и разбоя, а из службы в русских военных организациях. Все это особенно отражалось на молодом поколении, на которое образ русской жизни и культура оказывали действие, смягчающее их нравы и благоприятствующее развитию новых взглядов. Иначе говоря, в поэме показан конфликт между сыном и отцом как конфликт между старыми феодально-патриархальными формами черкесской жизни и быта и тем новым, что неодолимо входило в быт и культуру черкесов благодаря все растущему сближению их с более передовой и развитой культурой русских.⁴²

Пушкин был первым поэтом, который не прошел мимо этой новой поросли в старом черкесском обществе, а Белинский был первым, кто отметил в поэме Пушкина трагическую коллизию между отцом и сыном как коллизию между старым обществом и новым человеком.

Небезынтересны также поиски конкретного лица, которое могло послужить Пушкину прообразом молодого героя его поэмы.

Первую попытку в этой области сделал покойный В. Л. Комарович. В своем исследовании о поэме он выдвинул в качестве прообраза пушкинского героя выдающегося деятеля черкесской (кабардинской) культуры и просвещения первой половины XIX столетия Шору Ногма (Шору Ногмова).

С. А. Андреев-Кривич со знанием кавказоведческого материала подверг критике эту догадку В. Л. Комаровича как необоснованную.⁴³ Это особенно важно было сделать потому, что ошибочное мнение В. Л. Комаровича нашло горячий отклик в кругах черкесской общественности и среди местных литературоведов, давших ему дальнейший ход.⁴⁴

В чем же заключалась ошибка В. Л. Комаровича в отношении Ш. Ногма, которого он выдвинул в качестве прообраза пушкинского героя? Ошибка заключалась прежде всего в том, что Комарович физически «столкнул» Пушкина с Ногма в таком месте и в такое время, где и когда встреча эта не могла состояться.

Со ссылкой на «Путешествие в Арзрум» в качестве предполагаемого места встречи Пушкина с Ногма В. Л. Комарович указал крепость Нальчик, а время — 1829 год.⁴⁵ Между тем во всех рукописных и печатных текстах «Путешествия в Арзрум» крепость Нальчик не упоминается. И это естественно. Крепость Нальчик находилась северо-западнее станицы Екатериноградской и переправы через Малку километров на 40—50, так что Пушкин во время своего путешествия не проезжал даже поблизости от нее.

Источником ошибки В. Л. Комаровича явилось одно место из книги Н. .Н. . «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году» (М.,

⁴¹ В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина, стр. 231.

⁴² О том, что Пушкин интересовался взаимоотношениями русских и черкесов, говорят наличие у него замысла написать произведение на эту тему. Вот черновой набросок Пушкина к теме «(Русская девушка и черкес): Станица—Терек(?)—за водой—невеста—черкес на том берегу—она назначает ему свидание [он хочет увезти ее]—тревога—бабы [убивают молодого черкеса (?)] берут его в плен—отсылают в крепость—обмен—побег девушки с черкесом» (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 159).

⁴³ С. А. Андреев-Кривич. Пушкин и Ногмов, стр. 110—113.

⁴⁴ См.: М. Николаев. Пушкин и Кабарда; Х. И. Теунов. Введение (в кн.: Антология кабардинской поэзии. М., 1958).

⁴⁵ В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина, стр. 218.

1829), где на стр. 66—67 читаем: «Здесь (в Екатеринограде, — Г. Т.) оканчивается Кавказская область и поездка в Грузию чрез земли горских народов делается занимательнее. Проезжающие пропускаются отсюда два раза в неделю, тогда, когда проходит почта, с сильным конвоем пехоты и казаков и с одною пушкою; а потому кто придет ранее назначенного для отправления колонны времени, тот должен дожидаться. Мы по несчастью подверглись этой участи и, поместившись в отведенной нам скудной и скучной квартире, приготовились было к терпению дни на три, но судьба, сжалившись над нашим положением, доставила утешительное известие, что завтра следует в крепость *Нальчик* отряд казаков, когорому приказано от коменданта проводить нас до первого укрепления, называемого Пришиб».

Не проверив маршрута, В. Л. Комарович решил, что крепость Нальчик лежит на пути из Екатеринограда (станицы Екатериноградской) во Владикавказ, в то время как ни до Пришиба, ни после него на данном тракте никаких крепостей не было. В этом можно убедиться, просматривая перечень пунктов этого тракта в сноске 32. Источником ошибки Комаровича могла стать только эта книга, ибо в других произведениях о Кавказе, которые использовал в своей статье В. Л. Комарович, крепость Нальчик не упоминается.

В доказательство возможности встречи Пушкина с Ш. Ногма В. Л. Комарович ссылается также на свидетельство кавказоведа А. Берже, который в биографической заметке о Ш. Ногма «передает со слов лично знавших его „некоторых кабардинцев“, что „Ногмов познакомился с Пушкиным во время бытности его в Пятигорске; что Ногмов содействовал поэту в собирании местных народных преданий и что поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыгейского (черкесского, — Г. Т.) языка на русский“».⁴⁶

Самый факт знакомства Пушкина с Ш. Ногма и встреч их на Кавказе не может считаться документально установленным. Возможно, что память «некоторых кабардинцев», рассказывавших А. Берже о знакомстве Пушкина с Ш. Ногма уже в 60-х годах XIX века, изменила им и что речь шла не о Пушкине, а о поэте С. Д. Нечаеве, действительно встречавшемся с Ш. Ногма в Пятигорске летом 1825 года.

Достаточно прочесть соответствующее место из статьи С. Д. Нечаева «Отрывки из путевых записок о юго-восточной России»,⁴⁷ чтобы убедиться в справедливости такого предположения. Нечаев писал: «В стихотворениях кабардинских, древних и новых, не нашел я правильного размера, но везде богатую рифму по образцу арабских и персидских. Из перевода Шоры, за точность которого он сам отвечать не мог, замечается некоторое сходство с шотландскими песнями, изданными Макферсоном. Те же сравнения из дикой, величественной природы, те же предметы: кровавые битвы, похищения красавиц, сегования о убиенных воинах и тому подобное».

Итак, Шора Ногма переводил для С. Д. Нечаева собираемые им местные кабардинские предания, что подтверждается сообщаемой Нечаевым тематикой, а Нечаев исправлял эти переводы с черкесского на русский и, по-видимому, помогал Ш. Ногма в переводе собранных самим Ногма сказаний.

Кабардинцы, звавшие этот факт, со временем забыли фамилию малоизвестного поэта Нечаева и подставили вместо нее фамилию Пушкина, который несомненно был им знаком как творец «Кавказского пленника» и имя которого гремело на Горячих Водах уже в 1827 году.⁴⁸

Для доказательства встречи Пушкина с Ш. Ногма в Пятигорске пока что нет никаких данных, как нет никаких следов и того, что Пушкин собирал черкесские предания, поэтому и досадно, что покойный Б. В. Томашевский принял это утверждение без каких-либо оговорок за истину.⁴⁹

В 1820 году Пушкин был в течение двух месяцев на Горячих Водах, но нам неизвестно, жил ли Ш. Ногма в это время в Аджиевом ауле под Бештау, как неизвестно, бывал ли в эти месяцы Ногма в Пятигорске и посещал ли Аджиев аул Пушкин. Но предположим даже, что Ногма жил в 1820 году в Аджиевом ауле, что Пушкин этот аул посещал, что Ногма в течение двух месяцев пребывания Пушкина на Горячих Водах бывал в Пятигорске, все же факт пребывания в одном и том же месте двух лиц отнюдь не означает, что эти лица должны обязательно встретиться, а встретившись, познакомиться. Иногда даже при желании встреча может не состояться. Достаточно вспомнить из жизни Ногма хотя бы такой факт: в 1821 году миссионер Гендерсон, много слышавший о Ногма от своих собратьев по колонии Каррас, поехал в Аджиев аул, чтобы свидеться с ним, но не застал его дома, так как тот в это время принимал участие в военной операции.⁵⁰

⁴⁶ Там же, стр. 217.

⁴⁷ «Московский телеграф», 1826, ч VII, отд. I, стр 35—37.

⁴⁸ См.: Н. . . Н. . . Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М., 1829, стр. 47.

⁴⁹ См.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. IV, стр. 566—567.

⁵⁰ См.: E. Henderson. Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea, and the passage of the Caucasus, p. 538; Г. Ф. Турчанинов. Шора

Еще меньше данных для того, чтобы говорить о возможной встрече Пушкина и Ногма в 1829 году. В это время Ногма находился на военной службе в крепости Нальчик (в 90 км южнее Пятигорска). Он мог, конечно, по той или иной надобности посетить Пятигорск, когда там был Пушкин, но мог и не посетить. К тому же Аджиева аула, в котором он жил ранее, в 1829 году под Пятигорском уже не существовало. В 1828 году он был, как сказано выше, перенесен на реку Малку.

Таким образом, никаких данных, подтверждающих встречу Пушкина с Ногма на Кавказе в 1820 или 1829 годах, у нас нет.

Нет таких данных, чтобы говорить о встрече Пушкина с Ш. Ногма весной 1830 года в Петербурге, когда поэт, вероятно, еще писал поэму. Ш. Ногма прибыл в Петербург 1 (12) апреля 1830 года. 7 (19) декабря 1830 года он в составе Кавказско-горского полугэскадрона выступил из Петербурга в Вильно и возвратился в Петербург лишь 28 февраля (11 марта) 1832 года. Пушкина же, как известно, с 13 (25) марта 1830 года и до середины мая 1831 года в Петербурге не было.

В связи со всем этим первый тезис статьи В. Л. Комаровича о том, что Пушкин получил от Ш. Ногма этнографические сведения, которые использовал в поэме «Тазит», как и другой тезис, что Ногма для Пушкина явился прообразом Тазита, не может считаться доказанным.

Однако наряду с этими и некоторыми другими неверными положениями и фактами, критику которых отчасти можно найти в уже цитированной статье С. А. Андреева-Кривича, у В. Л. Комаровича есть одно весьма важное положение, могущее стать плодотворным при правильном подходе к кавказоведческому материалу. Это положение сводится к тому, что «за счет только зрительных впечатлений дороги весь использованный в поэме этнографический материал отнести конечно нельзя».⁵¹

Мы не осведомлены о том, кто конкретно и где именно мог быть собеседником Пушкина, но, вчитываясь в произведение, мы поражаемся той исключительной точности, с какой поэт использовал местный элемент.

В одной из новейших статей о «Тазите», принадлежащей перу З. Г. Османовой, поставлен вопрос, не отражают ли реальную действительность и не служат ли своей семантической основной идеи произведения собственные имена поэмы.⁵² Вывод автора оказался положительным. З. Г. Османова пришла к заключению, что имя «Тазит» было образовано от персидского تاز (тазе) (новый, свежий, молодой)⁵³ тем путем, каким образованы тюркские имена «Мажит», «Сабит» и т. п.

В отношении имени «Тазит» эта точка зрения автора не вызывает никаких возражений, но З. Г. Османова допускает ошибку, когда полагает, что имя «Гасуб» образовано от арабско-персидского гасеб — захватчик, узурпатор.⁵⁴ В русской передаче эта форма не могла бы звучать «гасуб» с «у». Слово «гасуб» взято не из персидского, а из арабского языка, где оно в соответственной русской форме звучании

كاسب (гасыб) означает: хищник, разбойник, грабитель.⁵⁵ Вспомним, что слово «хищник» было официальным эпитетом черкеса пушкинского времени.

Имена «Тазит» и «Гасуб» не являются традиционными ни для черкесов, ни для других народов Кавказа магометанского вероисповедания. Они специально подобраны поэтом для выражения основной идеи произведения и к тому же подобраны в полном соответствии с вековыми приемами образования мусульманских собственных имен. Поэту, как мы убеждаемся, хорошо было известно, что в черкесской среде распространены имена-прозвища, и эта тенденция в образовании собственных имен была им блестяще использована.

Тазит в поэме — представитель свежей поросли, представитель нового, будущего уклада общественной жизни черкесского общества, Гасуб — хищник, пред-

Бекмурзович Ногмов. Серия документальных свидетельств из жизни и деятельности. Нальчик, 1944, лист. 4.

⁵¹ В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина, стр. 212.

⁵² З. Г. Османова. О «Тазите» А. С. Пушкина, стр. 425—427.

⁵³ Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1953, стр. 105, 6; Jul. Th. Zenker. Türkisch-Arabisch-Persisches Handwörterbuch, Band 1, Leipzig, 1866, S. 245, c.

⁵⁴ Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь, стр. 354, в.

⁵⁵ Jul. Th. Zenker. Türkisch-Arabisch-Persisches Handwörterbuch. Band 2, 1876, S. 644, a. После того как эта статья была уже закончена, при подготовке запроектованного Архивом АН СССР краткого обзора рукописей и бумаг, оставшихся после смерти академика Н. Я. Марра, мне удалось обнаружить, что пальма первенства в определении семантики имени «Гасуб» принадлежала ему. В бумагах Н. Я. Марра оказались три небольших листика, посвященных этому имени. Исследование относится к 1925 году и было предпринято, по-видимому, по просьбе кого-либо из пушкинистов. В отношении имени «Гасуб» в нем сказано: «... с каким значением причастие „gasiб“ геср. Гасуб или Хасуб могло служить именем, это уже надо самому догадываться. Вероятно, как имя, причастие это было воспринято со значением насильника, тирана» (Архив АН СССР, ф. 800, оп. 1, № 1227).

ставитель уходящего общественного строя. Эти два имени как нельзя лучше подтверждают истинный замысел и идею поэмы.

Кроме всего сказанного, нельзя не обратить внимания исследователей поэмы на то обстоятельство, что имена «Тазит» и «Гасуб» созданы по подобию имен мусульманского ономастического. Среди кавказских горцев-христиан эти имена не употребительны. Этот факт является неопровержимым свидетельством того, что идея христианизации героя в процессе создания поэмы была оставлена поэтом.

У нас нет данных о том, что поэт знал персидский и арабский языки, между тем имена «Тазит» и «Гасуб» образованы с полным знанием этих языков. Кто был осведомителем и помощником Пушкина в этой ономастической работе? То ли во время путешествия извлек Пушкин эти данные, то ли воспользовался чьими-то консультациями в Петербурге, позже, когда писал поэму? Ответить на этот вопрос невозможно.

Кроме этих двух собственных имен, в поэме весьма интересно в фонетическом отношении, с позиций восприятия туземной речи, название «Татартуб».

О том, что Татартуб являлся в прошлом для черкесов священным местом, Пушкин мог узнать из печатных источников, ближайшим образом из книги С. Броневского. Во второй части этого труда, в разделе «Достопамятности в черкесских областях» можно прочесть: «Кабардинцы имеют великое уважение к остаткам старинного города Татартупа, лежащего в Малой Кабарде на западном берегу Терека, в семи верстах ниже устья реки Камбулеи. Сии развалины, из коих некоторые башни и церкви остались в целости, почитаются за нерушимое убежище для убийц от преследования мстителей; прежде сего у Татартупа совершались между кабардинцами все клятвы и договоры для вщипшей оных крепости».⁵⁶

Однако, вчитываясь в пушкинские строки поэмы «Тазит», где упоминается Татартуп (у поэта: Татартуб) —

В нежданой встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба,

и учитывая, что Татартуп отнесен Пушкиным в «Путешествии в Арзрум» к Большой, а не к Малой Кабарде, приходишь к выводу, что Пушкин ввел это название в поэму используя не книжный источник, а живую речь. К такому заключению обязывает и паличие конечного «б», а не «п». Эта форма могла появиться только в результате непосредственного акустического восприятия слова, так как в печатных источниках, которыми мог пользоваться Пушкин, это название дано везде с конечным «п». Тюркское, заимствованное черкесами название «Татартуп» имеет в тюркской среде два одинаково возможных варианта произношения: تارتاڤ (татартуб) и تارتوپ (татартуп)⁵⁷ — и означает буквально «место под татрами».

Здесь же следует заметить, что название «Татартуб» с «б» вместо «п» дано Пушкиным и в прозаическом тексте «Путешествия в Арзрум», следовательно, это «б» есть явление фонетически естественное, а не искусственное, не изобретенное ради рифмы: Гасуба — Татартуба.

То же самое можно сказать и в отношении названия «адехи». Пушкин, конечно, мог читать в «Гифлиских ведомостях» статьи Новицкого «Географико-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе», однако постановка ударения в этом слове, как отметил еще Андреев-Кривич, на втором слоге с конца говорит за то, что Пушкин взял его из живой речи. Если присмотреться к пушкинскому «адехи» в сравнении с «адиге» Броневского, «адиги» Гильденштедта и «adighe» Потоцкого,⁵⁸ можно видеть, что Пушкин дает «х» там, где у Броневского, Гильденштедта и Потоцкого стоит «г». Передача Пушкиным самоназвания черкесов в форме «адехи» довольно близка к произношению, ибо в черкесском «адыге» звук «г» фрикативный, средней звонкости, передаваемый, в частности, в этом названии черкесским (кабардинским) филологом пушкинского времени Ш. Ногма через «х». У Пушкина название несколько русифицировано. Эта русификация сказалась в том, что слово склоняется по нормам русской речи, и в том, что «е muet» предпоследнего слога заменен «е». Источником такой получеркесской, полурусской формы мог быть какой-либо местный русский, ибо только недостаточно усвоившим черкесскую речь русским свойственно смещение черкесских передних гласных «ä» (е) и «ы» (е muet).

⁵⁶ Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и дополненные Семенов Броневским, стр. 53—54.

⁵⁷ Для послелогого توب (tūb) или توب (tūb) см.: Jul. Th. Z e n k e r. Türkisch-Arabisch-Persisches Handwörterbuch, Band 1, S. 318, a.

⁵⁸ Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и дополненные Семенов Броневским, ч. 1, стр. 43; Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика И. А. Гильденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах, СПб., 1809, стр. 135; Jean P o t o c k i. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, p. 252.

Любопытно, что самоназвание черкесов — адъге (у Пушкина — адёхи), хорошо известное поэту, оказалось неизвестным нашим современникам литературоведам В. Л. Комаровичу и Б. В. Томашевскому. Первый увидел в пушкинском «адёхи» черкесское племя «абадзёхи», а последний без какой-либо проверки принял это.⁵⁹ Однако достаточно было бы заглянуть в сочинение С. Броневского, которым пользовался Пушкин, чтобы убедиться, что этой путаницы у Пушкина быть не могло. Абадзёхи или абазёхи относятся к черкесам закубанским,⁶⁰ а Пушкин описывает черкесов кабардинских, из Малой Кабарды, где Татартуп, Военно-Грузинская дорога и река Терек.⁶¹ Абадзёхи сюда даже не заходили.

Не подлежит сомнению, что у поэта в период «заготовок» материала для его поэмы были какие-то осведомители, живые источники, о которых мы ничего не знаем, но которые оставили свой ощутимый след в восприятии поэтом опомастических, топонимического и этнонимического названий в поэме «Тазит».

Нельзя также пройти мимо тех этнографических впечатлений и сведений, которые поэт заново приобретал во время второго своего путешествия через Кавказ, поскольку они создавали тот фон, на котором развертывалось действие поэмы. Поэт, например, блестяще реализовал впечатление от виденных им в осетинском ауле похорон, изменив, однако, по этническому ракурсу поэмы осетинскую среду на черкесскую.

Извлеченное из дневника «Путешествия в Арзрум» и ставшее зачином поэмы описание похорон благодаря изменению этнической среды и места происходящих событий (Малая Кабарда) давало возможность косвенно использовать сообщение о Татартупе как священном для черкесов месте:

Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба.

Именно «вблизи» а не «среди» развалин Татартупа. Черкес не мог совершить убийство на священной территории. Но это мог сделать казак, в связи с чем ср. в черновиках поэмы:

Среди развалин Татартуба
Убит рукою казака.

С изменением этнической среды перед поэтом предстала возможность внести определенность и ясность в описание некоторых обрядов. Поэт «очеркесил» их, придал им окраску черкесской мусульманской среды, блестяще отразил сосуществование адата с шариадом:

Слагают тело на арбу
И с ним кладут снаряж войсковой:
Неразряженную пицаль,
Колчан и лук, кинжал грузинской
И пашки крестовую сталь,
Чтобы крепка была могила,
Где храбрый ляжет почивать,
Чтоб мог на зов он Азрайла
Исправным воином восстать.

С позиций той же черкесской этнографии подошел поэт и к объяснению факта погребения сына Гасуба вдаль от аула. Для поэмы, по-видимому, были использованы те наблюдения, которые Пушкин записал в дневнике своего «Путешествия в Арзрум»: «Мы встретили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю черкесов, похоронены их наездники. Татарская (арабская, — Г. Т.) надпись, изображение пашки, танга, иссеченные на камне, оставлены хищным внукам в память хищного предка».⁶²

То, что сказано у Пушкина в отношении черкесских надгробий, этнографически не совсем точно. Под памятником чаще всего никто не погребался. Наездника хоронили на обычном кладбище в ауле, а памятник ему для обозрения путниками ставился у дороги. Для Пушкина эта этнографическая деталь не так уж была важна. Так, в результате этнографических наблюдений в пути возникли строки:

В долине той враждою жадной
Сражен наездник молодой,
Там ныне тепь могилы хладной
Воспримет труп его немой...

⁵⁹ См.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. IV, стр. 586.

⁶⁰ См.: Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и дополненные Семеном Броневским, ч. 2, стр. 62—64.

⁶¹ См.: там же, стр. 53, 90—93.

⁶² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 448—449.

Можно было бы указать еще ряд других этнографических фактов, не ускользнувших от наблюдательного взора поэта и так или иначе претворенных в поэме.

Наблюдения над текстом поэмы дают основания утверждать, что к использованию сочинения С. Броневского как источника историко-этнографических сведений о Кавказе и черкесах Пушкин приступил уже в процессе работы над поэмой.

Вот несколько примеров.

Фигурировавший в первом плане поэмы «грузинский купец» в тексте заменен армянским. Эту поправку поэт, по-видимому, сделал после того, как прочитал у Броневского о том, что торг среди черкесов ведут армяне (см.: ч. 1, стр. 56).

Первоначально в тексте обращения воспитателя к Гасубу было сказано, что с тех пор, как Гасуб отдал ему на воспитание младшего сына, прошло семь-восемь лет, а в варианте белой рукописи и в последующей ее редакции стоит уже тринадцать лет. Эта поправка сделана после чтения Броневского (см.: ч. 2, стр. 107—108 и далее), где сказано, что сыновья знатных черкесов отдавались на воспитание в возрасте трех-четырёх лет, а возвращались в семью совершеннолетними (т. е. шестнадцати-семнадцати лет).

Достаточно широко представленное в первоначальных набросках поэмы слово «уздень» в последующих редакциях повсеместно исчезло, оставшись только в стихе:

Два узденя за пим выпосят
На бурке хладный труп...

Не назван узденем и Гасуб (хотя в плане стояло «уздень и меньший сын»), и воспитатель Тазита, именовавшийся в черновиках «седой уздень»; переработана строка «собрание гордых узденей» с заменой в ней этого слова самоназванием черкесов «адехи». Из текста поэмы в ее последней редакции мы можем только заключить, что Гасуб знатный черкес, но кто он — князь или уздень — определить не можем.

Возможно, что поэт решил не вводить широко слова «уздень» в поэму потому, что у Броневского он прочел, что по части атальчества, хищничества и кровомщения уздень или князь мало чем отличаются друг от друга и трудно сказать, кому из них следует отдать в этом преимущество. У Броневского сказано, что за убийство «князя и уздени редко соглашаются на денежную пеню и требуют кровь за кровь. В таком случае кровомщение переходит от отца к сыну, от брата к брату и продолжается беспрестанно» (ч. 2, стр. 119). Там же можно прочесть, что не только «князья» не могут воспитывать своих сыновей в родительском доме и «отдают в чужой дом на воспитание», но что «уздени отдают так же детей своих на воспитание другим нижних степеней узденям и на тех же правилах» (ч. 2, стр. 107, 110) и что «воспитатели княжеских и узденских сынов» «в первых летах юношества испытывают силы его и проворство, отправляя в дальние поиски на воровство, приучая сначала красть у подданных своих овцу, корову, лошадь, а потом уже к соседям посылают для отгона скота и похищения людей» (ч. 2, стр. 108).

Чтение Броневского, вероятно, вызвало и исключение из текста поэмы «казака». Первоначально «казак» фигурировал как личный враг старшего сына Гасуба:

Среди развалин Татартуба
Убит рукою казака.

Тазит должен был «бороться с казаками», что оказалось заменено стихом:

... в пабехах отбивать
Коней с ногайскими быками.

Не совсем реальным выглядел этот казак как враг черкеса, когда у Броневского можно было прочесть: «Российские жители Кавказской губернии, по соседству с горцами, *наипаче линейные казаки имеют кунаков у черкесов, кумыков, чеченцев, с коими чаятельно ведут они дружбу (куначество)* не во всей точности по принятым правилам, однако *присяга между российскими и горскими кунаками, сколько известно, в мирное время невреждимо с обеих сторон соблюдается*» (ч. 2, стр. 129).

Так факты, которые извлекал Пушкин из чтения Броневского, оказывали заметное влияние на изменение отдельных эпизодов создаваемой поэмы, входили в противоречие с первоначальным замыслом ее, с отдельными уже написанными строфами.

Обратимся к концу поэмы, точнее к ее фрагментам, и посмотрим, к какому заключению логикой самих фактов оказался подведен автор.

Представитель новой морали, новых общественных отношений, Тазит проклят отцом. Изгнанный из родного аула, из своей общины, он появляется опять в Чечне,

по-видимому, в том ауле, где воспитывался. Его влечет туда любовь. Он сватается и получает отказ. Чем же мотивирует отец девушки отказ?

Тому кто в бой вступить не смеет
 <Кто> слаб <и> телом <?> <и> умом <?>
 Кто мстить за брата не умеет
 Кто робок даже пред рабом
 Кто изгнан и проклят отцом...

Скажи какой отец безумец
 Отда<ть> <?> захочет дочь...

Ступай оставь меня в покое...

Таким образом, придя в Чечню, Тазит столкнулся здесь с тем же непреодолимым законом адата, который он преступил в родном ауле, за что и был изгнан. Иноплеменная горская община также отвергает его. Даже та, которая его любила, «с тех пор не поднимала взора» «па него». Тазит становится вечным изгнанныком.

Глубоко в сердце молодое
 Тяжелый <?> врезался укор
 Тазит сокрылся — с этих пор
 Ни с кем не вел он р<азговора> <?>

Но под отеческую сень
 Не возвратился сын изгнанный...

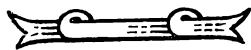
Совершенно естественно, что подобный конец поэмы не мог удовлетворить поэта, так как он не утверждал торжества идеи преобразования черкесов, разошелся с замыслом поэмы.

Проклятие прошлого тяготело над человеком, не желавшим покориться обществу, подчиниться его законам; человек превращался в ничто.

В связи с этим представляется странным тот вывод, который сделал в отношении конца поэмы и судьбы ее героя В. Л. Комарович. Он пишет: «Разрыв героя (Алеко, Тазита) с общинной жизнью — там табора, тут аула — такова общая тема обеих поэм... Изгнание из общины определяет судьбу и того и другого. Но определяет по-разному, потому что один и тот же конфликт изображен там и тут под разным углом зрения: при вторжении в полудикую общину „человека цивилизации“ — при его надуманной и обреченной на неуспех попытке укрыться в ней от „страстей“ и „судеб“, исторических судеб своей цивилизации — морально первенствует община; *напротив, при органическом выделении из полудикой общины одного из ее сынов навстречу цивилизации — первенствует этот, оправданный историей, выходец*».⁶³

Никакого первенства этого выходца из полудикой родовой общины над этой общиной, как мы видим по тексту поэмы, не получилось. В этом-то и заключалась вся трагедия Тазита.

Поэма по совершенно очевидным мотивам не была закончена.

⁶³ В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина, стр. 228.